

Maja Szymoniuk

O perevode romana Bulgakova "Master i Margarita" na pol'skij âзык

Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Nauki Filozoficzne i Humanistyczne 2324, 257-277

1968/1969

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Instytut Filologii Obcych UMCS

MaJa SZYMONIUK

**О переводе романа Булгакова „Мастер и Маргарита”
на польский язык**

O tłumaczeniu powieści Michała Bułhakowa *Mistrz i Malgorzata* na język polski

La traduction polonaise du roman de Michail Boulgakov *Le mattre et Marguerite*

Опубликование в 1967 г., приблизительно через 30 лет после написания, романа Михаила Булгакова „Мастер и Маргарита” стало литературным событием, о чем говорят хотя бы появившиеся почти сразу же переводы на многие европейские языки. И критиков, и читателей роман интересовал, конечно, больше всего со стороны философской и моральной проблематики. Но в связи с переводом „Мастера и Маргариты” на польский язык кажется уместным рассмотреть языковые стилистические особенности произведения, т. к. именно их перенесение на почву другого языка гарантирует полный успех перевода.

Функциональный поэтический язык (язык художественной литературы), по мнению чешских лингвистов — Я. Мукаржовского, Д. Гавранка, характеризуется актуализацией и деформацией на уровне фонетики, лексики, синтаксиса по отношению к норме литературного языка — с одной стороны, и поэтической традиции — с другой.¹ Еще В. Гофман, один из представителей школы русских формалистов, писал: „Поэтический язык” есть своеобразная и функционально-многообразная деформация (творческое использование различных форм речи, преимущественно письменной...)²

¹ См. J. Mukařovský: *O języku poetyckim* [в:] *Praska szkoła strukturalna w latach 1926—1948*, Warszawa 1966; В. Havranek: *Zadania języka literackiego i jego kultura*, там же.

² В. Гофман: „Фольклорный сказ Даля” [в:] „Русская проза”, 1963, стр. 233.

У некоторых писателей такая актуализация стертого слова по отношению к языковой литературной норме и традиции выражена весьма ярко (в этом проявляется их индивидуальный стиль). Возьмем хотя бы Андрея Платонова, русского советского писателя, творившего в те же годы, что Булгаков, или Артема Веселого, Всеволода Иванова. У других же писателей на первый взгляд ее вообще нельзя заметить, настолько их индивидуальный стиль входит в русло литературной нормы устной и письменной речи.³ К таким писателям относится и М. Булгаков. Именно поэтому тексты его представляют особый интерес для анализа. Поскольку в его романе „Мастер и Маргарита“, бесспорно, есть определенная стилистическая манера, в то же время норма литературного языка как будто не нарушена, анализ помог бы выяснить, на чем же основывается его стиль. Конечно, при этом был бы возможен сплошной анализ текста по уровням, однако имеется и другая возможность: выбрать, как говорится, „изюминки“, т. е. рассмотреть текст под углом зрения его отношения к узусу. Это, безусловно, займет меньше времени и даст какие-то опорные пункты при анализе перевода. Рассматривая, удачно ли выбрал переводчик слово, заменяя несуществующий гетероним (термин, употребляемый Э. Бальцежаном как дословный эквивалент слова оригинала⁴), или вообще отказываясь от гетеронима, мы сможем оценивать этот выбор сразу же с точки зрения сохранения индивидуального авторского стиля.

Первое, что поражает — объединение в романе в одно целое тематически, а отсюда, как видно, и стилистически совершенно разных компонентов: сатиры и исторического полотна, лирической повести и полумистической фантазмагии. Действие романа разворачивается в 4 сюжетных планах: 2000 лет назад в римской провинции Ершалаим, в 1930-е годы в Москве среди деятелей Мосэстрады и занявших теплые местечки в литературе членов „Моссолита“; потом в реальной и трезвой Москве появляются фантастические существа из потустороннего мира и отдельный сюжет — история любви Мастера и Маргариты. Автором все плоскости сюжета выписаны с большой досто-

³ Норму, т. е. наиболее употребительное, относят обычно к языку, а ее нарушение — к речи, но в этом нет единодушия. Вот что пишет советский исследователь В. Мыркин: „Социальная (возрастная, половая, образовательная, сословная, профессиональная и т. д.) неоднородность языковой коммуникации порождает вариантность внутри языка... что, в свою очередь, и вызывает к жизни языковую норму, т.е. регулятор правила речевого поведения в определенных обстоятельствах. Так понятая норма стоит, видимо, ближе к языку, чем к речи“. В. Мыркин: „Различные толкования соотношения: язык — речь“, „Иностранные языки в школе“ 1970, № 1, стр. 35.

⁴ E. Balcerzan: *Styl i poetyka twórczości dwujęzycznej Brunona Jasińskiego*, Wrocław 1968, s. 48.

верностью, с мельчайшими соотнесенными с ситуацией деталями, от которых эта ситуация приобретает всю видимость реальности. Наступает сдвиг в оценке привычной действительности, она компрометируется. Причем происходит это весело и незаметно. Ну чем нехороша повседневность, позволяющая демонам играть в шахматы, жарить жаркое и в минуту досады в сердцах говорить: „черт возьми“, она совсем не хуже той, к которой мы все так привыкли, считая нормальным, что какой-нибудь обыватель стремится „нахапать“ побольше и только в этом видит подлинную реальность жизни.

Композиция является пружиной сюжетно-тематического развития романа, и в ней же, как будто, кроется разгадка авторского замысла, разрешение сцепленных, наслаивающихся философских проблем. Композиция в „Мастере и Маргарите“ создает возможность более глубоких связей в системе образов — отсюда их емкость; определяет соотношение в разных ракурсах развитие действия, организует возникающие параллели и скрещивания. При всем том сюжетные мотивировки романа очень прозрачны, переходы от одной части к другой — от Москвы 1930-х годов к событиям 2 000 года, „месяца нисан“ в Ершалаиме и, наоборот, — тщательно аргументированы. Эта простота и ясность мотивировок, конечно, внешняя, даже локальная, автор как будто жонглирует своим мастерством, соединяя вещи несоединимые и выдавая иногда поводы за причины.

Как нет резких сюжетных переходов от глав одной части к другой, так нет и резких скачков из одной стилистической тональности, обусловленной тематикой части, в другую. Однако при чтении чувствуется какое-то стилистическое различие, хотя бы в ритме описания событий. События в исторических главах разворачиваются медленно и важно, в сатирических — стремительно и как-то несерьезно. Контраст в тематике глав находит выражение в словесно-изобразительных средствах. Или обратная зависимость, возникающая при восприятии уже написанного произведения и доступная анализу: конкретные языковые средства обуславливают контраст между частями.

Как сразу бросается в глаза, Булгаков в основном не выходит за пределы лексики общелитературного языка, то есть употребляет мало архаизмов и почти не включает диалектизмы и жаргонизмы. Не вызывает сомнений, что общелитературную лексику оригинала легче перенести на почву другого языка: меньше хлопот с ускользающими от дефиниции неожиданными дополнительными значениями, коннотациями, возникающими при нарушении общепринятых словосочетаний или при введении неупотребительных морфем — в общем при актуализации слова. С другой стороны, эта видимая ясность, чистота стиля, которая зиждется на правильности, т. е. нормативности языка, могут увлечь пе-

реводчика, и из его поля зрения выпадут языковые нюансы, типичные для автора, определяющие его стиль, и в конце концов, влияющие на другие уровни литературного произведения.

Попробуем детально рассмотреть словоупотребление, сначала в тексте сатирических глав. В этих главах словарный состав сильно отличается от лексики текстов в других частях. Тут встречается много разговорных слов несколько грубовато-фамильярной окраски, некоторые слова из этой группы имеют в словарях пометы „просторечное”, хотя они уже давно распространились среди носителей литературного языка, в данном конкретном случае — среди жителей Москвы, и во многие литературные жанры вошли глубоко и прочно: в произведения эпистолярного стиля, в газетные фельетоны. Эта лексика широко использовалась писателями-сатириками, современниками Булгакова, хотя бы Ильфом и Петровым. Она очень непосредственна и выразительна, но неожиданного в ней уже давно ничего нет.

На 5 страницах, взятых наугад из сатирического текста, встретилось 42 разговорных, фамильярных и просторечных слова. Такое количество экспрессивно окрашенных слов, несомненно, придает тексту непринужденность, сниженность, вообще доминирует в организации стиля. В числе экспрессивно окрашенных элементов встречаются и слова с пренебрежительным суффиксом -ишк- („мыслишки”).

При оценке передачи русского текста на польском языке мы будем исходить из принятого понятия об адекватности перевода, поскольку дословный перевод, как известно, часто бывает невозможен: нет гетеронимов, или слова перевода включают меньший объем значения, или, наоборот, больший. Адекватность же предполагает при отходе от дословности сохранение функциональности элементов в языке перевода, например: слова в границах словосочетания, словосочетания — в пределах предложения и т.д. Зенон Клеменевич в своей статье: *Przekład jako zagadnienie językoznawstwa* писал, что задача перевода заключается в: „[...] wprowadzeniu za elementy i struktury oryginału takich elementów i struktur własnego języka, które by były w miarę możliwości substytutami i ekwiwalentami o takiej samej funkcjonalnej wydolności, zdatności i skuteczności, w czym właśnie okazuje się ich adekwatność [...]”⁵.

Однозначный ответ на вопрос о том, как передали лексику сатирических глав в польском языке, дать трудно. В некоторых случаях переводчики находили удачные адекватные решения:

⁵ Z. Klemensiewicz: *Przekład jako zagadnienie językoznawstwa* [в:] *O sztuce tłumaczenia*, Red. M. Rusinek, Wrocław 1955, s. 93.

„[...] чтобы духу ее не было на Садовой улице (кн. I, стр. 50) ⁶ — że jej noga nie postanie więcej w mieszkaniu na Sadowej [...] (стр. 126)”; „Позвольте с вами рассчитаться — проскулил убитый Степа” (кн. I, стр. 52) — „— Pozwoli pan [...] — zaskomlał przybity Stiopa” (стр. 132); „[...] и тут, как говорится, остолбенел” (кн. I, стр. 52) — „[...] i, jak to się mówi, osłupiał.” (стр. 133); „[...] собственноручная Степина захватская подпись” (кн. I, стр. 52) — „[...] jego, Stiopy, własnoręczny zamaszysty podpis” (стр. 132).

Как видим, слова разговорной лексики: проскулил, остолбенел, захватская — переведены соответствующими по стилю и экспрессивности словами. (Разговорное в данном контексте — духу — вошло в эквивалентный фразеологизм — „że jej noga nie postanie więcej”). В других случаях это авторам, чаще всего из-за отсутствия гетеронимов, а иногда из-за нежелания „вульгаризировать” текст, не удалось.

„Степа глянул на бумагу и заоченел” (кн. I, стр. 52) — „Stiopa spojrział na dokument i zmartwiał” (стр. 132); „Ты видел, что он в подштанниках — холодно спрашивал пират”. (кн. I, стр. 43) — „Nie widziałeś, że jest w samych kalesonach — zimno zapytywał pirat”. (стр. 107); „А Фагот, спровадив пострадавшего конференсье [...]” (кн. I, стр. 79) — „Fagot, odprowadziwszy poszkodowanego konferansjera [...]” (стр. 210); „Теперича, когда этого надбедалу сплвали, давайте откроем дамский магазин” (кн. I, стр. 79) — „A teraz, skorozmy spławili już tego nudziarza, otworzmy magazyn dla pań” (стр. 211).

Рассмотрим первую пару из приведенных примеров.

Слово „глянул” — разговорное (помета в словаре Ушакова), это синоним глаголов — взглянул, посмотрел. Польское „spojrział” дословный перевод как раз одного из нейтральных синонимов. Значительно ближе оригиналу польское „zerknął”. Благодаря употреблению сниженного слова „глянул” автор, не вмешиваясь в описание действия, передает свое „несерьезное” отношение к персонажу. В переводе этого в данном контексте нет.

Во втором примере „подштанники” — просторечное слово, его синонимы: кальсоны, нижнее белье. Поскольку в этой фразе нет больше разговорных или просторечных слов, оно звучит очень контрастно. В польском вместо нейтрального „kalesony” можно было бы дать соответствующее по стилю и значению „gacie”.

В третьем предложении есть слово „спровадив”, которое переведено польским „odprowadziwszy”. Между словами оригинала и перевода очень большая стилистическая разница. Русское — грубовато просторечное, даже вульгарное, польское — стилистически нейтральное, немаркированное. Причем они различаются семантически; применяя

⁶ М. Булгаков: „Мастер и Маргарита”, кн. I, „Москва” 1967, № 11; кн. II, „Москва” 1968, № 1. В дальнейшем все цитаты будут приводиться по этим книгам.

⁷ М. Bułhakow: *Mistrz i Małgorzata*, [перевод:] Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski, Warszawa 1969. В дальнейшем все цитаты приводятся по этой книге.

классификацию, употребленную Э. Бальцежаном, их можно отнести к разным семантическим полям.⁸ „Спровадив” находится в синонимическом ряду таких слов: удалить, выпроводи ь, избавиться (от кого-либо), в него не входит слово „проводить” гетероним польского „odprowadzić”. Для этих двух слов: „выпроводить” и „проводить” не удастся найти даже общего объединяющего слова. Значительно ближе оригиналу и семантически, и стилистически было бы польское „spławiwszy”.

Интересно, что в переводе последнего предложения 2 слова разговорной лексики „надоедали” и „сплавить”, переведены удачно: найдены эквивалентные им выражения и по значению, и по стилю, и по эмоциональной интенсивности, одно же слово „таперича”, просторечное и областное, передано современным нейтральным teraz.

Таких примеров, когда в польском языке не переданы просторечные и разговорные слова, можно привести десятки. И все-таки, несмотря на это перевод сатирической части в целом не потерял по сравнению с оригиналом живости, непосредственности и остроты. Дело в том, что переводчики очень часто компенсировали слово, не переводимое на польский язык или не переведенное во всей полноте семантического объема, обусловленного разговорной стилистикой, снижением расположенного по соседству другого слова, которое как раз имеет стилистически окрашенный синоним в польском языке, хотя в оригинале оно может быть нейтральным. Причем это происходит не всегда в границах одного предложения, часто в пределах двух или нескольких предложений, связанных одной ситуацией.

Так, во фрагменте, рассказывающем о таинственном исчезновении одного из директоров „Варьете”, в двух предложениях, аналогичных по денотативному значению и разделенных коротеньким диалогом, употреблен глагол „установиться”. В первом случае: „Римский и Варенуха перечитывали, касаясь друг друга головами, а перечитав молча установились друг на друга” (кн. I, стр. 67) он переведен словом „popatrzyli” стилистически нейтральным — „Rimski i Warionucha głowa przy głowie studiowali depeszę, a przestudiowawszy ją w milczeniu popatrzyli na siebie” (стр. 176), зато глагол „перечитывать” из-за отсутствия гетеронима, передающего значение русской приставки пере- заменен гораздо более выразительным для данного контекста словом „studiować” (изучать). Во втором же случае „Кто пьян? — спросил Римский, и опять оба установились друг на друга” (кн. I, стр. 67) слово „установились” переведено значительно более экспрессивно: „Kto jest pijany? — zapytał Rimski i znowu obaj wytrzeszczyli na siebie oczy”

⁸ E. Balcerzan: *op. cit.*

(стр. 177) словосочетанием „wytrzeszczyli na siebie oczy” (вытаращили друг на друга глаза).

Возьмем другой пример. Слово „что” он произнес дискантом, „вам” басом, а „угодно” у него совсем не вышло” (кн. I, стр 50) — „Słowo „czego” zostało wypowiedziane falsetem, „pan” — basem, a „życzy” — w ogóle nie wydostało się na świat boży” (стр. 127). Слово „угодно”, имеющее остаточные следы иронического словоупотребления, переведено совершенно нейтральным „życzy”, зато свободное словосочетание „совсем не вышло” передано несравненно более экспрессивным сочетанием „w ogóle nie wydostało się na świat boży”, но адекватным по своей функции в предложении. Или: „То есть, кому хотите сказать, что Берлиоз что-то натворил, — не поверит, ей-ей не поверит! Однако печать, вот она! Да-с [...]” (кн. I, стр 52) — „Powiedzcie, komu chcecie, że Berlioz coś przeskrobał — nikt nie uwierzy, no, dosłownie nikt nie uwierzy! A jednak pieczęć wisi, wisi jak byk! Ta-ak [...]” (стр 133). Эти три идущие подряд фразы наглядно демонстрируют технику компенсации. Разговорное „натворил” переведено тоже разговорным, несколько более интенсивным „przeskrobał”, разговорное междометие „ей-ей” переведено более нейтральным польским словом „dosłownie”. Словосочетание „вот она” эмоциональное в интонации, передано несравненно более экспрессивной фразеологией „wisi jak byk”. Зато „да-с” с таким характерным и многозначным звуком „-с” (остаточной графемой употребительного в XIX веке слова „сударь”), оказалось передано лишь интонационно „ta-ak”.

Близко к этому явлению, правда, уже на уровне абзаца или нескольких абзацев, связанных тематически, повышение в переводе экспрессивности какого-то одного, часто повторяющегося на протяжении этого фрагмента слова. Так, в главе 17-й, стр. 112—113 описана сценка, вынужденного пения служащих при исполнении своих служебных обязанностей. Главную героиню этой сценки автор называет сначала деликатно и чуть насмешливо „барышня”, потом резче, ядовитее „девица”. Переводчики же: или „panienka”, или „dziewoja”. Польское слово „dziewoja” так же как и русское „девица” иронически переосмысливают значение „чистая”, „нетронутая”, но при этом вносит дополнительное значение чего-то первобытного, а употребляясь, в противоположность русскому слову очень редко, звучит экспрессивнее. Поскольку же повторяется на трех страницах (305—308) 9 раз, то просто доминирует в тексте, чего совершенно нет в оригинале.

В тексте сатирической части наблюдается контрастность словоупотребления, на первый взгляд незаметная. Как мы видели, писатель, с одной стороны, весьма широко употребляет сниженную, разговорную лексику, в то же время он вводит в текст официальные, иногда

даже канцелярские слова и выражения, а также устаревшие, звучащие несколько архаично слова. Среди них часто встречаем „ибо” (союз, воспринимающийся сейчас как книжный), „на коем”, „коего” (устаревшие местоимения); можно встретить книжные слова: „благодарствуйте”, „помилуйте”, „помилосердствуйте”, встречается такое изысканное книжное слово, как „всенепременный”. Булгаков в сатирический текст вводит глагол „пребывать”, употребляемый в официальной речи, глагол „начертать”, сопровождаемый в *Словаре совр. русск. языка* пометой „устаревшее”, и т. д. Таких слов немного (на 5 выбранных наугад, в сатирической части страниц встретилось их 11), но они довольно неожиданны и контрастны. Можно было бы предположить, что их употребление вообще свойственно речи Михаила Булгакова, что легко объяснить хотя бы средой, в которой он жил в детские годы. Однако наблюдается одна любопытная деталь: в тех сатирических главах, где в действие включаются демоны, количество архаизмов и слов канцелярского стиля увеличивается. Таким образом, возникающий контраст функционален в плане образной системы. Поэтому и здесь, по-видимому, стоит говорить о целевом отборе выразительных средств языка.

В польском переводе контраст сведен почти что на нет. Чаще всего это вызывается тем, что некоторые слова и выражения имеют гетероним в польском языке и легко переводятся дословно, но гетероним стилистически не соответствует оригиналу.

„Гость пребывал в спальне уже не один, а в компании: во втором кресле сидел тот самый тип, что померещился в передней” (кн. I, стр. 53).

Здесь хорошо представлена контрастность лексических средств, о которой идет речь: „пребывал” — книжное слово, „тип” и „померещиться” — разговорные, ироничные. По-польски эта фраза звучит так:

„Gość nadal przebywał w sypialni, ale już nie sam, tylko w towarzystwie — w drugim fotelu siedział typ, który przywidział się Stiopie w przedpokoju” (стр. 136).

Сохранена разговорность, ироничность, но канцелярское „пребывал” переведено нейтральным гетеронимом „przebywał” и противопоставление слов оказалось снятым.

Или: „Что Маргарита Ивановна, а равно также и ее домработница [...]” (кн. II, стр. 119) — „[...] że zarówno Małgorzata, jak jej służąca Natasza [...]” (стр. 532). Союз „равно” книжный. Переведенный дословно „zarówno” оказался стилистически нейтральным. Конечно, тут несоответствие зависит от своеобразной структуры языков. Все же иногда польские переводчики решаются средствами польского языка передать лексическую актуализацию оригинала, и эффект получается бесспорный. В предложении „Говорит жилец означенного дома из квартиры № 11 Тимофей Квасцов” (кн. I, стр. 64) для информации, кото-

рую оно несет, главное значение определения „означенного” играет небольшую роль, значительно важнее коннотации, возникающие при столкновении устаревшего канцелярского слова с разговорными. Эта функция и передана в переводе, хотя употреблено далекое от оригинала слово „inkryminowany”. „Mówi Timofiej Kwascow, lokator inkryminowanego domu z mieszkania [...]” (стр. 167).

Подобное же явление „непереводимости” встречается при употреблении автором морфем, изменяющих стилистический или эмоциональный характер слова, что, кстати, делается чрезвычайно редко. Например, слово „остроносые” (ботинки) писатель дает в диалектном варианте с протетическим в-, придающим прилагательному оттенок просторечности „востроносные”. В польском тексте оно переведено нейтральным прилагательным „spiczaste” (стр. 330). Или: „С места выходила какая-то безлепица: как это так пришел с покойным?” (кн. I, стр. 73) — „Od razu zaczynało to wyglądać dość idiotycznie. Jakże to tak [...]” (стр. 193). В оригинале есть необычное слово „безлепица”. Неологизм образован путем контаминации: от слова „бесмыслица” взята приставка без-, в слове „нелепица” отброшено отрицание, а основа соединена с приставкой. В польском это многозначное слово не удалось передать, оно заменено грубоватым, разговорным „dość idiotycznie”.

Теперь рассмотрим фразеологизмы текста сатирической части, в состав которых входят просторечные, разговорные слова.

Поговорки, вошедшие в общенародный язык, кстати, их в тексте совсем немного — на взятых наугад 5 страницах сатирической главы оказалось всего две поговорки — переведены в большинстве случаев так, что передана квинтэссенция их значения, как известно не имеющая в пословицах и поговорках непосредственного отношения к семантике словесных компонентов. Переводчики прибегли в этих случаях к польским поговоркам, соответствующим по общему значению поговоркам оригинала, но не имеющим с ними ничего общего лексически. То есть были найдены, говоря словами Клеменевича, адекватные структуры. Правда, иногда при этом не соблюдалось стилистическое равновесие.

„Свой глазок — смотрок” (кн. I, стр. 63) — „Pańskie oko konia tuczy” (стр. 165); „Сиди там тище воды ниже травы” (кн. I, стр. 118) — „Siedz tam cicho, jak mysz pod miotłą [...]” (стр. 322); „Да ну тебя к лешему, скаред” (кн. I, стр. 123) — „Całuj psa w nos, liczykrupo” (стр. 338).

В последнем случае произошел стилистический сдвиг. Польская поговорка вместе с обращением очень экспрессивна, к тому же она редко используется, поэтому звучит еще более выразительно. Русское же словосочетание вполне обыденно и не привлекает внимания.

Среди разговорных, экспрессивно окрашенных элементов текста оригинала большой вес имеют фразеологизмы, характерные для носителей русского языка определенного узкого круга, и очень распространены в разговорной речи москвичей. Среди них „втирать очки“, „жутких размеров“, „хоть убейте“ и т. д. Некоторые из этих фразеологизмов переведены по тому же принципу, что и пословицы, и поговорки, т.е. без перевода лексических компонентов, но с сохранением лексической функции фраземы в предложении перевода. Приведем несколько примеров.

„Только держись“ („Он такие штуки может выделять, что только держись“, кн. I, стр. 46) — „[...] że bywaj zdrów“ („On takie numery potrafi odstawiać, że bywaj zdrów“ (стр. 115); „Хоть убейте“ („Хоть убейте, не видел вчера этого Воланда“, кн. I, стр. 52) — „Głowę dałby [...]“ (стр. 132; „Здравствуйте, я ваша тетя“ („Здравствуйте, я ваша тетя! — воскликнул Римский и добавил: — Еще сюрприз“, кн. I, стр. 67) — „— Moje uszanowanie! — zawołał Rimski i dodał — jeszcze jedna niespodzianka!“ (стр. 175).

Потерявшее свое непосредственное лексическое значение, и ставшее междометным предложение переведено несколько менее экспрессивно, при помощи польского междометного предложения „Moje uszanowanie“ утеряно только такое характерное для московской разговорной речи „я ваша тетя“.

Некоторые фраземы переводились по принципу компенсации. Так, словосочетание „жутких размеров черный кот“ (кн. I, стр. 54) передано отдельно по компонентам „przerażających rozmiarów czarny kocur“ (стр. 137), причем введено несколько менее эмоциональное „przerażających“, семантически в противоположность оригиналу, не контрастирующее со словом „rozmiarów“. Зато в переводе употреблено более экспрессивное „kocur“ (котище), вместо „кот“.

В оригинале довольно часто встречается так называемое расщепленное сказуемое, о котором Д. Розен аль пишет: „[...] сущность его заключается в том, что глагол-сказуемое заменяется сочетанием однокоренного существительного с полузнаменательным глаголом“.⁹ Такие употребляемые вместо глаголов глагольные сочетания носят книжный, а зачастую, и канцелярский характер. „Анужка была арестована, когда производила попытку вручить кассирше [...]“ (кн. II, стр. 119). Здесь автором употреблено „производила попытку“, вместо попыталась, на польском же языке это получалось так: „Anuszkę aresztowano w chwili, kiedy usiłowała wręczyć kasjerce [...]“ (стр. 530), где „usiłowała wręczyć“ обычное составное глагольное сказуемое, нейтральное стилистически.

Интересны случаи, когда переводчики обращаются непосредствен-

⁹ Д. Розенталь: „Практическая стилистика русского языка“, Москва 1968, стр. 221.

но к действительности, игнорируя даже имеющиеся гетеронимы (с.р. 36, 46, кн. I). В оригинале автор сознательно употребляет слова, не соответствующие ситуации. Например, в I книге описано, как поэт Иван Бездомный проникает в чужую квартиру в поисках подозрительного Воланда. Поэт наощупь открывает дверь в ванную, где стоит голая намыленная женщина. Та, растерявшись и принимая его за кого-то другого кричит: „Кирюшка! Бросьте трепаться!” (кн. I, стр. 36). В польском же тексте получилось: „Kiriuszka! Proszę się nie wygłupiać!” (стр. 84). Вместо, действительно, как будто неуместного в данный момент слова „трепаться” (*blagować, młynkować*) поставлено вполне соответствующее ситуации *wygłupiać się* (дурачиться). Но эффект потерян. Подчеркнутая автором абсурдность свелась к бытовому недоумению. Или: „Тут факт бесповоротный” (кн. I, стр. 46) — „To niezaprzeczalny fakt” (стр. 116). Прилагательное „бесповоротный” (*bezprowotny*) не слишком подходит для определения факта и в польском и в русском языке. С точки зрения соответствия действительности и согласно языковой традиции слово „факт” скорее может быть распространено эпитетом „беспорный” (*niezaprzeczalny*), употребленным переводчиками. Однако поправка нарушает литературный прием.

Перейдем теперь к исторической части романа. Несколько слов о лексике этой части. При воссоздании исторических событий изменяется словарный состав: почти исчезают слова разговорно-фамильярной окраски, появляются историзмы, звучащие для нас экзотически: игемон, прокуратор, манипул, Синендрион и т. д. Излюбленные автором подробные детальные описания, встречающиеся и в сатирической, и в исторической частях, тоже сильно отличаются по лексическому составу, т. к. здесь, кроме экзотизмов, употребляются возвышенные книжные слова, придающие натуралистическим деталям неожиданную патетику: „проклятую”, „бесслезно”, „всхлипнул”, „благословил”, „обнажая”, „безнадежный”, „вперял” и т. д. В переводе эту возвышенную, книжную лексику не всегда удавалось передать соотносительными элементами. Приведем 2 примера:

„А наконец зазвучал заглушенный доселе фонтан” (кн. II, стр. 98) — „Wreszcie można było usłyszeć także zagłuszoną dotychczas fontannę” (стр. 472).

Устаревшее русское слово „доселе” переведено современным „dotychczas”.

„Затем перед прокуратором предстал светлородый красавец [...]” (кн. I, стр. 24) — „Potem stanął przed prokuratorem urodziwy jasnobrody młodzieniec” (стр. 51); „Обратив свой взор к подножию холма [...]” (кн. I, стр. 105) — „Spojrzawszy na podnoże góry [...]” (стр. 286).

Высокие книжные слова: „предстал”, „обратив”, „взор” переведены нейтральными.

В исторических главах все же встречаются разговорные и просто-

речные слова, но т. к. их очень немного (на 5 страницах встретилось 8), они не бросаются в глаза. Возможно, поэтому переводчики в основном перевели их нейтральными, современными словами.

„Но и их сморила жара [...]“ (кн. I, стр. 101) — „Ale i te znużone upałem [...]“ (стр. 275) [подчеркнуто мною, М. Ш.]; „Фонтан совсем ожил и распелся во всю мочь“ (кн. II, стр. 99) — „Fontanna ożyła już zupełnie i rozśpiewała się ze wszystkich sił“ (стр. 474); „[...] и вскорости он появился на балконе в сухих сандалиях“ (кн. II, стр. 99) — „I niebawem zjawił się na tarasie w suchych sandałach“ (стр. 474).

И все же снятие таких сугубо разговорных выражений и слов не безразлично для стиля этих глав: может быть, наличие разговорной лексики помогает автору сохранить в этой части непосредственную живость описаний и не впасть в искусственную патетику.

Встречается на этих страницах и прием „расщепления“ сказуемого, еще более усиливающий книжный характер речи, например:

„Трибун же направил свои шаги [...]“ (кн. I, стр. 105) — „Trybun zaś skierował swoje kroki [...]“ (стр. 286); „Разговор этот шел по гречески“ (кн. I, стр. 25) — „Rozmawiali po grecku“ (стр. 53).

Но это уже относится к синтаксису. Подытоживая все это, однако, надо сказать, что хотя лексика исторических глав несколько актуализирована благодаря контрастности просторечно-разговорных слов и архаических или книжных, очень часто встречающихся в тексте, она не является доминирующим фактором в смысле организации языкового стиля. Главную роль играет здесь необычный для разговорной речи и для прозы ритм, придающий тексту этих глав такую яркую стилистическую тональность. В связи с этим представляется необходимым остановиться на анализе другого лингвистического уровня — синтаксиса.

Ритмичность речи зависит от четкости выделения и устойчивости, повторяемости синтагм (рассматриваемых как речевые такты). Равномерность же синтагм, их одинаковая интонационная характеристика связаны с построением фразы. Еще в 1922 г. русский филолог Б. Эйхенбаум писал, что „именно в синтаксисе, рассматриваемом как построение фразовой интонации, мы имеем дело с фактором, связующим язык с ритмом“ [стихотворным, М. Ш.].¹⁰

Для булгаковской фразы характерно большое количество однородных членов, однородных придаточных предложений, а также инверсия — первое определяет интонационную повторяемость, последнее

¹⁰ „[...] dla ożywienia konwersacji i zaskoczenia (zadziwienia) używa się aktualizacji, mianowicie środków językowych niezwykłych w mowie potocznej, albo też w niezwykłym dla nich znaczeniu lub połączeniu”. В. Навранек: *op. cit.*, s. 78.

акцентирует паузы. Как известно, синтаксис непосредственно связан с семантикой. Об этом так писал Я. Мукаржовский:

„[...] zależność znaczeniowa przebiega w równym stopniu dwoma nie zawsze równoległymi szeregami związków: z jednej strony szeregami związków składniowych, z drugiej — czysto znaczeniowych”.¹¹

Поэтому можно утверждать, что многие отклонения в романе „Мастер и Маргарита” от привычных норм не безразличны для других уже не языковых уровней произведения.

На 5 взятых наугад страницах исторической части встретилось 20 случаев нарушения словопорядка, т. е. 20 фраз с инверсией. Измененный словопорядок, выделяя интонационно слово, приводит к тому, что оно доминирует над ближайшими словами. Отсюда увеличивающаяся смысловая нагрузка интонационно выделенного слова, усиление дополнительных значений. Ясно, что в польском языке не всегда удается передать эти не имеющие непосредственного лексического выражения изменения в семантике и экспрессии. Возьмем такой обычный факт словопорядка: типичную для русского языка постановку определяющего слова перед определяемым. Булгаков часто нарушает его (такого рода нарушения не новость, они распространены не только в поэтической, но и в разговорной речи). В польском же языке подобный словопорядок скорее нормативен. Вот пример такой инверсии у Булгакова.

„[...] где был открыт подъем на гору, и с которой было удобнее всего видеть казнь, а в стороне северной, там, где холм был не отлог и доступен, а неровен.” (кн. I, стр. 102).

Выделенная интонация синтагмы с инверсией (в стороне северной) еще более усиливается обособленным обстоятельством „там” с идущим сразу же за ним обстоятельственным придаточным предложением. В результате возникает нагнетание пауз, замедляющее ритм фразы. Кроме того, подобная структура сложной фразы, выделяя слово „северный”, подчеркивает смысловую важность конца предложения, и как раз там Булгаков пишет об отсутствии удобств и о презрении к таковым со стороны Левия (факт очень важный для характеристики образа). Так достигается напряженность, экспрессия без видимого авторского вмешательства. Посмотрим, как построена эта фраза в польском переводе.

„[...] nie z tej strony, z której pozostawiono przejście na górę i z której najwygodniej można było przyglądać się kaźni, ale od strony północnej. Zbocze nie było tam łagodne [...]” (стр. 277).

¹¹ J. Mukařovskŷ: *op. cit.*, s. 134.

Как видим, она поделена на два предложения, а следовательно, очень облегчена; инверсия же стала нормальным словопорядком. В результате подчеркнутая замедленность ритма утрачена, а экспрессия исчезла.

Вот пример более редко встречающейся инверсии: „[...] этот человек вел себя совершенно не так и очень мог быть замечен” (кн. I, стр. 102). Определительное слово „очень”, относящееся к краткому прилагательному поставлено не непосредственно перед ним, а на два слова раньше. Полученное необычное сочетание усиливает эстетическую нагрузку входящих в него слов, главным образом первого и последнего. В польском же: „[...] człowiek ten zachowywał się zupełnie inaczej; jak najbardziej mógł zostać zauważony” (стр. 278). В переводе сохранен русский словопорядок, однако подчеркнутость словосочетания не передана, т. к. подобный порядок слов для польского языка нормативен.

Вторая особенность синтаксиса исторических глав — обилие однородных конструкций. Оно помогает автору раскрыть явление с разных сторон, акцентировать его многоликость — в этом заключается непосредственная семантическая функциональность таких оборотов, но вдобавок возникает эстетическая выразительность нагнетающихся описаний, легко создающая атмосферу неизбежности чего-то, неотвратимости. Интересно, что чаще всего однородные конструкции встречаются во фрагментах, связанных с Левиим. „По яффской дороге, по скудной Гионской долине, над шатрами богомольцев, гонимые внезапно поднявшимся ветром летели пыльные столбы” (кн. I, стр. 105). Здесь три однородных обстоятельственных оборота, предшествующие поставленным на самом конце фразы подлежащему и сказуемому (инверсия!), создают так четко организованный ритм, что отрывок напоминает стихотворение в прозе. Перевод этого предложения таков: „Przez drogę do Jaffy i przez nędzną dolinę Gehinom nad namiotami wiernych przetaczały się wzbite nagłym uderzeniem wiatru słupy kurzu” (стр. 285).

Переводчики сохранили однородные обстоятельства, только между первыми поставили союз „и”, а третье включили во второй обстоятельственный оборот, инверсию же оригинала сняли вообще. Сняли тем самым и исключительную ритмичность фразы.

Еще один пример ритмической нагнетаемости однородных оборотов, в данном случае придаточных предложений.

„Если бы не рев воды, если бы не удары грома, которые, казалось, грозили расплющить крышу дворца, если бы не стук града, молотившего по ступеням балкона, можно была бы слышать [...]” (кн. II, стр. 98) — „Gdyby nie łoskot wody, gdyby nie uderzenia piorunów, które, zdawało się, chciały rozplątać pałacowy

dach, gdyby nie stukot gradu, młócaącego stopnie tarasu, można by było usłyszeć [...]” (стр. 472).

Сохранение в переводе синтаксической структуры оригинала не нарушило нормы польского языка; как видим, нагнетание трех однородных конструкций и в польской фразе создает особую повторяющуюся интонацию.

Подчеркнуто замедленный, размеренный ритм, который достигается автором при помощи этих средств, можно назвать торжественным. Торжественность повествования, так характерная для исторических глав, еще усиливается за счет обилия причастных оборотов, присущих исключительно книжной речи. На 5 произвольно выбранных страницах встретился 31 такой оборот. При переводе этих синтаксических структур опять-таки возможно несоответствие, вызванное особенностями польского языка, для которого обилие причастий неприемлемо.¹² Многие причастные обороты в переводе в соответствии с требованиями польской стилистики заменяются придаточными предложениями. Вот один пример такой замены:

„Через некоторое время его можно было видеть подъезжающим к крепости Антония, расположенной на севере и в непосредственной близости от великого храма: (кн. II, стр. 104) — „Po pewnym czasie można było zobaczyć, jak podjeżdżał do twierdzy Antoniusza w północnej części miasta, twierdza ta sąsiadowała z wielką świątynią” (стр. 488). Или еще: „Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город [...]” (кн. II, стр. 97) — „Ciemność, która nadciągnęła znad Morza Śródziemnego, okryła znienawidzone przez prokuratora miasto” (стр. 468).

Изменилась интонация, пропал размеренный ритм.

Еще одна особенность синтаксиса оригинала: сложная структура предложений, избыточная причастными и деепричастными оборотами, вдобавок усложняется обилием придаточных предложений, входящих в многообразную взаимозависимость, но, как правило, недлинных и с хорошо прослеживаемыми связями. В польском тексте повествование иногда становится легче, чем в оригинале, теряет его, выражаясь фигурально, тяжелую поступь. Это зависит от изменения синтаксической структуры, частого отказа от параллельных конструкций, ограничения количества однородных членов, замены причастных оборотов придаточными предложениями. Рассмотрим один пример:

„Тут все присутствующие тронулись вниз по широкой мраморной лестнице меж стен роз, источавших одуряющий аромат, спускаясь все ниже и ниже к дворцовой стене, к восторам, выводящим на большую гладко вымощенную площадь, в конце которой виднелись колонны и статуи ершалаимского ристалища” (кн. I, стр. 27) — „I wszyscy obecni poszli w dół szerokimi marmurowymi schodami, między dwie-

¹² А. Wierzbicka, P. Wierzbicki: *Praktyczna stylistyka*, Warszawa 1969, s. 91.

ma ścianami róż, które wydzielały odurzający zapach, i zesli aż pod mur pałacowy, ku bramie prowadzącej na wielki starannie wybrukowany plac, po drugiej stronie którego widać było kolumny i posągi jерузалаимskiego gimnazjonu” (стр. 61).

Эту фразу, ее ритмику и интонацию организуют два причастных оборота и несколько однородных обстоятельств места. В польском один причастный оборот „источавших одуряющий аромат” заменен в силу необходимости придаточным które wydzielały odurzający zapach. Слова „ниже и ниже”, раскрываемые снова обособленными обстоятельствами („все ниже и ниже к дворцовой стене, к воротам”) создают эмоциональное нагнетание, возникает впечатление непрекращающегося движения к неизбежности. В переводе слова „ниже и ниже” заменены выражением: „aż pod mur pałacowy” и, хотя сохранены однородные обстоятельства места, фраза рассыпалась на куски. Детали, вызывающие впечатление величавости и нужные не сами по себе, а лишь для того, чтобы подчеркнуть значимость каждого шага исторических героев, в польском переводе преобразились лишь в детали обстановки.

При описании исторических событий, о чем уже упоминалось, Булгаков так же, как и в сатирической части, дает подробнейшую характеристику лица и факта, причем вводит образные фигуры языка — сравнения, эпитеты, метафоры.

„[...] ведра пустели быстро, и кавалеристы из разных взводов по очереди отправлялись за водой в балку под горой, где в жидкой тени тощих тутовых деревьев, доживал свои дни на этой дьявольской жаре мутноватый ручей” (кн. I, стр. 101) [подчеркнуто мною, М. Ш.]. Или: „В это время солнце вернулось в Ерусалаим и прежде чем уйти и утонуть в Средиземном море [...]” (кн. II, стр. 99).

Даже по этим двум примерам, а они не исключение, видно, что метафоры и эпитеты построены на широко распространенной лексике, базируются на бытующих в языке переносных значениях, а не на далеких сопоставлениях и неожиданных ассоциациях. Переводчики, пользуясь аналогичными переносными значениями польского языка, адекватно передали эти словесные фигуры в тексте перевода.

„[...] kawalerzyści z różnych plutonów po kolei chodzili po wodę do niedalekiego wąwozu, gdzie w wątlým migotliwym cieniu mizernych drzew morwowych w tej piekielnej spiekocie dożywał swych dni z lekka zmętniały strumyk” (стр. 275).

Из-за всех этих на первый взгляд незначительных и как будто неважных изменений в синтаксике и лексике перевода исторической части по сравнению с текстом оригинала, иногда замедляется, а иногда и вовсе исчезает ритмичность речи. Все становится как бы легковеснее, проще, не так торжественно. А поскольку синтаксические изменения немедленно отражаются на семантике, то не будет преувеличением

утверждение, что эти отклонения от оригинала повлияли на систему образов романа. В польском тексте сохраняется динамичность и напряженность развития событий — это бесспорно, но вся обстановка, включая и действующих в ней героев, стала чуть прозаичнее, уже не возносится с такой неоспоримостью над обыденностью. А такое возвышение над действительностью очень важно для идейно-тематического уровня романа, повествующего о выборе, ответственности и неотвратимости.

Лирические главы стилистически, пожалуй, наиболее нейтральны. В тексте здесь очень мало фамильярных или вульгарных слов, нет и тех экзотизмов, что звенели на каждой странице исторической части, редко встретишь здесь и метафоры в описаниях. Но какой-то свой специфический прием характерен и для этой части. Автор прибегает тут нередко к повествованию от лица героев: вся история любви Маргариты, например, рассказана Мастером. Вводится часто и непосредственно-прямая речь. Такой монолог, как известно, несет многоярусную сложность значений, рисующую и отношение героя к событиям, и, одновременно, автора к герою, что характерно для жанра романа. Вероятно, поэтому в лирических главах при всей их стилистической нейтральности верность в воспроизведении нюансов повествования была бы весьма желательна. Переводчики свободно чувствовали себя в такой стилистике и адекватно перевели разговорную и нейтральную лексику, но, как ни странно, именно в этой части встречаются иногда и неточности в переводе, причем трудно было бы доискиваться в них каких-либо закономерностей, зависящих от своеобразия языковых систем. Кажется, что именно здесь переводчики, увлекшись правильностью речи, не сочли нужным проанализировать некоторые тонкости словарных характеристик, отсюда мелкие, но досадные ошибки.

„Ничего я не говорю — воскликнул Иван и добавил: — умоляю дальше” (кн. I, стр. 87). В польском эмоциональная выразительность значительно усилена: „Niczego takiego nie mówię i nie powiem — gorąco sprzeciwił się Iwan i dodał: — Włagam, niech pan mówi dalej” (стр. 233). Интересно, что в этом случае проще всего было обратиться к имеющимся гетеронимам: „воскликнул” — „zawołał”. Безусловно, в прямой речи есть возражение и глагол „sprzeciwił się” (возразил) семантически далекий от „zawołał” (воскликнул) оправдан контекстом, однако внесение оценки добавлением наречия „gorąco” и еще нескольких слов в речи говорящего резко повышают температуру высказывания. А это приводит к какой-то неточности в характеристике героя. Еще один подобный пример:

„Несчастный поэт! Но вы сами, голубчик, во всем виноваты. Нельзя было дер-

жать себя с ним столь развязно и даже нагло. Вот вы и заплатились. И надо еще сказать спасибо, что все это обошлось сравнительно дешево" (кн. I, стр. 84) — „Nieszczęsny poeto! Niestety, sam sobie jesteś winien, kochaneczku. Nie trzeba było się przy nim zachowywać tak bezceremonialnie, a nawet, rzekłbym, arogancko. I oto skutki. Dziękuj losowi, żeś się z tego wywinął tak małym kosztem" (стр. 225).

В польском варианте использовано адекватное обращение (не гетероним) „kochaneczku", которое, как и в русском языке, может употребляться в ироническом переосмыслении в зависимости от контекста. Но в данном случае в оригинале слово „голубчик" дано в прямом смысле ласкового обращения, в польском же несколько измененный контекст придал ему отрицательное значение. Такое переосмысление слова в переводе приводит к изменению информации, заключенной в этих четырех предложениях. Очень нейтрален конец высказывания, в то время как в тексте перевода появляется повелительное наклонение, отчего усиливается поучающая нотка, ощущается даже грубоватость, что совершенно не вяжется с оригиналом.

Довольно смешной казус получился при переводе следующего отрывка:

„[...] затем продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою, и мы пошли рядом" (кн. I, стр. 87) — „Fotem wsunęła w moją dłoń swoją dłoń w czarnej rękawicze z szerokim mankietem i poszliśmy dalej razem" (стр. 234).

В русском тексте сказано, что герои шли под руку, в польском же — держась за руки. Сомнительно, чтобы москвичи 30-х годов шли по улицам, держась за руки, т. к. это было бы нарушением обычаев. Здесь, как видно, трансформируя словосочетание, переводчики не обратились к действительности, что является обычным в процессе перевода.¹³

В главах, посвященных фантастическим приключениям выходцев с того света, описание ведется в двух стилистических ключах: при столкновении героев с высмеиваемыми московскими обывателями происходит контрастное сопоставление сниженной разговорной лексики и речи демонов, особенно Воланда, отличающейся некоторой старомодной изысканностью (об этом мы уже упоминали выше). В тех же главах, где описаны фантазмагорические картины бала у сатаны или прощания демонов с землей, словарный состав становится более нейтральным, местами — возвышенным, книжным. Здесь, как и в исторической части, наступает явление подчеркнутой ритмизации речи, связанной с особым синтаксисом. Поскольку в какой-то мере эти приемы повторяют то, что уже рассмотрено на материале других глав, хотя, без-

¹³ См. И. Ревзин, В. Розенцвейг: „Основы общего и машинного перевода", Москва 1964, стр. 58—59.

условно, ими не ограничивается специфика данной части, мы не будем их анализировать, тем более что главное в стиле Булгакова — его подход к литературной норме остался неизменным.

Как видим, стиль Михаила Булгакова в романе „Мастер и Маргарита” базируется не на деформации общепринятых, традиционных норм, а на актуализации лексики, достигаемой за счет контрастности словарного состава и концентрации разговорных элементов, и на актуализации синтаксической, приводящей к исключительной ритмичности поэтического языка. Причем все это происходит путем максимального расширения „дозволенного” литературной нормой.

В переводе оказались переданными непринужденность и экспрессивность просторечия, свобода и ироничность разговорной лексики. Контрастность, составляющая суть булгаковской актуализации, донесена до читателя в несколько ослабленном виде из-за не всегда удачного (или возможного) перевода архаизмов и канцеляризмов. Однако в тех главах, где доминирует ритм, произошел большой стилиевой сдвиг. Для воссоздания адекватного ритма оригинала в польском тексте, как видно, необходимо было не раз отходить от норм польского языка, на что переводчики не решились.

STRESZCZENIE

Dobre tłumaczenie winno przekazywać w sposób adekwatny nie tylko treść, lecz i właściwości stylu oryginału. Dlatego też autor artykułu zajął się przede wszystkim określeniem charakterystycznych cech stylu M. Bułhakowa. Przy analizie utworu autor rozpatruje język w jego stosunku do normy literackiej, chociaż w zasadzie dla stylu pisarza nie jest charakterystyczna deformacja norm języka literackiego, tak często spotykana w utworach innych pisarzy rosyjskich tego okresu. Przy analizie tłumaczenia rozpatrywana jest także ekspresja wykorzystanych przez tłumaczy środków językowych i ich relacja do normy literackiej języka polskiego. Przy porównywaniu z oryginałem wyżej wymienione kryteria dają podstawę dla oceny tłumaczenia.

W wyniku porównania lingwistycznych właściwości oryginału i tłumaczenia, przeprowadzonego szczegółowo dla części satyrycznej i historycznej utworu, wysnuto następujące wnioski:

Część satyryczna zawierająca w oryginale aktualizację leksyki, polegającą na użyciu w jednym kontekście środków kontrastujących — wyrazów stylu półludowego (prostorieczyja), wulgaryzmów, kancelaryzmów, jak również wyrazów archaicznych, z reguły przetłumaczona jest przy pomocy odpowiednich stylistycznie i semantycznie wyrazów i idiomatów

Należy jednak zaznaczyć, że w tłumaczeniu nie zawsze zachowana jest kontrastowość leksyki ze względu na niemożliwość oddania w języku polskim pewnej warstwy leksycznej — niektórych kancelaryzmów i archaizmów oryginału.

Tłumaczom nie udało się jednak przekazać tak charakterystycznej dla rozdziałów historycznych koncentracji i dominacji składniowych środków wyrazu, nadających prozie Bułhakowa niezwykłą rytmiczność i wzniosłość stylu. W konsekwencji spowodowało to, że w tłumaczeniu zaszły zmiany w innych warstwach utworu, wpłynęło to na cały system postaci.

R É S U M É

Une bonne traduction doit non seulement communiquer adéquatement le contenu de l'original, mais aussi les propriétés du style de celui-ci. C'est pourquoi l'auteur du présent article s'est occupé, avant tout, de la définition des qualités du style de M. Boulgakov. En analysant l'oeuvre, l'auteur étudie la langue dans son rapport avec les normes littéraires, bien que, en principe, les déformations par rapport à celles-ci, si fréquentes dans les oeuvres d'autres écrivains russes de cette époque, ne soient pas caractéristiques pour le style de l'écrivain étudié. Dans l'analyse de la traduction, on a pris en considération les valeurs d'expression des moyens artistiques employés par les traducteurs ainsi que leurs relations avec les normes littéraires propres à la langue polonaise. La comparaison de la traduction avec la version originale, grâce aux critères mentionnés ci-dessus, permet de formuler un jugement de valeur sur la traduction.

Une analyse comparative très détaillée des deux textes (original et traduction), faite surtout pour les parties satirique et historique de l'oeuvre, a permis de tirer les conclusions suivantes :

La partie satirique qui, dans l'original, trouve son expression artistique grâce à l'actualisation du lexique, c'est-à-dire grâce à l'emploi, dans un même contexte, d'éléments constituant de nets contrastes — mots propres au style mi-populaire (prostorietchie), vulgarismes, expressions propres au style administratif, archaïsmes — a été, en général, correctement traduite, grâce à l'emploi de mots bien assortis, du point de vue sémantique et stylistique, ainsi que par le choix d'idiomes correspondant aux contextes. Il faut pourtant dire que les traducteurs n'ont pas toujours pu maintenir le jeu de contrastes du lexique, car certaines nuances d'archaïsmes ou de style bureaucratique échappent à la traducton la plus adroite.

D'autre part, les traducteurs n'ont pas su trouver une expression artistique équivalente à celle qui est due, dans l'original, à la concentration et à la suprématie des moyens syntaxiques qui confèrent à la prose de Boulgakov un rythme particulier et des accents de style relevé. Ce défaut de traduction a causé des répercussions sur les autres éléments de l'oeuvre, par exemple en déformant quelque peu les personnages et les rapports entre eux.